

Из природы в культуру: где и когда?

Coolidge F. L., Wynn T. The Rise of *Homo sapiens*: The Evolution of Modern Thinking. Chichester: Wiley–Blackwell, 2009. 308 p.

Эта книга — результат сотрудничества двух американских ученых, работающих в университете штата Колорадо и представляющих дисциплины, которые не назовешь близкородственными. Один из них — Фредерик Кулидж — нейропсихолог, изучающий проблемы сна, генетики поведения и психологии личности. Другой — Томас Уинн — археолог, интересующийся психикой древних гоминидов. Междисциплинарная область знаний, лежащая на стыке интересов обоих специалистов, именуется «когнитивной археологией».

Во введении авторы указывают, что их подход отличается от других тем, что они не концентрируются на эволюции языка, уделяя главное внимание свойствам интеллекта, в частности, его исполнительной функции, позволяющей человеку принимать решения, ставить цели, находить пути для их осуществления и адекватно реагировать на ситуацию. Еще в середине XIX в., особенно после знаменитого «случая Финеаса Гейджа», неврологи стали связывать эти способности с лобными долями мозга. Я. Я. Рогинский, о котором авторы вряд ли слышали, отводил лобным долям особую роль в исходе эволюционного соперничества сапиенсов с неандертальцами. Он же, кстати, писал и о двух скачках в антропогенезе. Об этом же (разумеется, без ссылки на него) пишут и авторы рецензируемой книги. Работы А. Р. Лурии, впрочем, им известны, поскольку они были переведены на английский.

Первый скачок, по мнению Кулиджа и Уинна, был связан с появлением эректусов и их адаптацией к новой экологической нише — жизни в саванне. Что же касается предков эректусов, ранних представителей рода *Homo*, то они, как полагают авторы, были всего лишь «двуногими обезьянами». Даже первым мигрантам из Африки в Евразию — гоминидам из Дманиси — были якобы свойственны «обезьяний» образ жизни и «обезьянье сознание». Едва ли многие антропологи и археологи с этим согласятся! Исходная теоретическая установка, а именно — принижение роли языка в антропогенезе, привела к явному практическому просчету.

Игнорируя неоспоримые данные палеоневрологов, свидетельствующие о развитии языковых зон мозга уже у представителей вида *Homo habilis*, авторы сосредоточивают внимание на описанном А. Бэддли и Г. Хитчем в 1974 г. «центральной исполнительном процессоре» (ЦИП) оперативной памяти, ответственном за восприятие и переработку информации и принятие решений. ЦИП приводит в действие так называемую «фонологическую (артикуляционную) петлю», необходимую для порождения и восприятия речи, а также

пространственно-зрительную матрицу и эпизодический буфер. Локализуется ЦИП в основном в префронтальной коре, но также и в теменных долях и подкорке.

Поскольку прямые палеоневрологические свидетельства появления ЦИП (в отличие от свидетельств развития речевой функции) отсутствуют, когнитивным археологам приходится полагаться в основном на массу мозга, а также на археологические данные. Ключевым, по мнению авторов, был переход от олдувайских орудий (индустрия 1, по Г. Кларку) к ашельским (индустрия 2). Первые, в отличие от вторых, в сознании наших предков были якобы неотделимы от контекста и от конкретной операции, подобно обезьяньим орудиям. Переход от одной индустрии к другой был скачкообразным, совершился он благодаря некоему «озарению» и знаменовал собой первый прорыв в развитии человеческого сознания. Остается заключить, что в регионах, где ашель отсутствовал, в частности, к востоку от линии Мовиуса, отсутствовало и сознание человеческого типа. Неутешительный вывод для обитателей восточной части ойкумены!

Кулидж и Уинн повторяют ставшее общим местом утверждение о том, что ручное рубило — первое орудие с преднамеренно заданной формой. Но делать на этом основании вывод об отсутствии мысленного образа орудия у олдувайцев было бы неверным. Более того, если Г. Чайлд был прав, называя рубило «окаменевшим понятием», то выходит, что стандартизация свидетельствует о менее высоком уровне обобщения! Да, совершенные орудия могут изготавливаться только совершенными существами, но обратное категорически неверно. Ставить знак равенства между уровнем технологии и уровнем психики нельзя. Не учитывая этого, мы будем вынуждены сделать вывод о когнитивной отсталости жителей восточной части Евразии — вывод расистский и, главное, ошибочный.

Чему же нужно приписать озарение, знаменовавшее собою переход от индустрии 1 к индустрии 2? Оказывается — сну. Да, именно так! Выход из леса в саванну сопровождался поведенческим сдвигом, которому авторы придают решающее значение: в отличие от хабилисов, ночевавших, подобно обезьянам, на деревьях, эректусы стали ночевать на земле. Это сделало их более уязвимыми для хищников, что стимулировало развитие когнитивных способностей. Но, главное, спать эректусы стали якобы дольше, а просыпаться по ночам — реже. Кулидж, для которого проблемы сна находятся в центре профессиональных интересов, перечисляет научные и музыкальные открытия, сделанные во сне, рассказывает о сновидениях современных людей. Частые мотивы снов (о них писал еще Фрейд) — смущение от собственной обнаженности и страх перед экзаменом — восходят, по Кулиджу, к саванной жизни эректусов: первый мотив напоминает о реальном отсутствии одежды, второй — о технологической неподготовленности наших предков. Оба мотива служили своего рода психологическим «праймингом» и нацеливали гоминидов на усовершенствование условий быта.

Примечателен вопрос, которым завершается глава об эректусах: «Почему бы не могло быть так, что некоторые из [прогрессивных изменений в психике] были прямыми следствиями улучшения сна и усложнения сновидений при переходе от древесной ночевки к наземной?» (с. 150). Подобные вопросы относятся к категории «*pourquoi pas?*». Все-таки личные профессиональные интересы исследователей, взявшихся за ту или иную проблему, не могут ставиться во главу угла при ее решении.

Впрочем, даже и эректусам, пользовавшимся ашельской культурой, авторы отказывают в праве считаться «вполне людьми». Первый шаг на пути

к «современному мышлению», по их мнению, был сделан представителями вида *Homo heidelbergensis*. Лишь в Африке и Европе авторы усматривают культурную динамику. Особое внимание уделяется копьям из Шёнингена древностью 400 тыс. лет, которые авторы считают первыми свидетельствами охоты. Тем не менее, о существенном прогрессе в развитии ЦИП говорить не приходится и в этом случае. На востоке же эйкумены наблюдался полный застой (чего ожидать от существ, неспособных даже изготовить бифас?).

Об умственных способностях неандертальцев Ф. Кулидж и Т. Уинн отзываются столь же скептически. По их мнению, физический тип этих гоминидов был столь же архаичным, как и у их предшественников, а увеличение размеров мозга было вызвано лишь адаптацией к холоду. Способности к символизации у неандертальцев не было, украшений они не делали (спрашивается, чем же занимались шательперронцы и кем они были, если не неандертальцами?). Ни погребения, ни составные орудия не свидетельствуют о когнитивном прорыве. По сути дела, авторы высказывают взгляды, которые некогда развивались у нас Б. Ф. Поршневым и Ю. И. Семеновым и сегодня кажутся безнадежно устаревшими.

Более того, даже люди современного типа, жившие в эпоху среднего палеолита (напомним, что *Homo sapiens* находился на среднепалеолитической стадии в течение минимум трех четвертей своего существования) все еще не перешагнули, по мнению авторов, главного порога. Этот порог Кулидж и Уинн связывают с некой мутацией, приведшей к ускоренному развитию ЦИП. Авторы пишут в этой связи о гаплогруппе D гена микроцефалина, забывая при этом указать, что данный селективно выгодный вариант, по мнению генетиков, мог быть получен сапиенсами от неандертальцев. Подобные мутации, приведшие якобы к скачкообразному усовершенствованию ЦИП, в частности, одного из его параметров — емкости хранения фонологической информации — Кулидж и Уинн считают причиной второго скачка в антропогенезе, ознаменовавшего появление языка и психики современного типа.

Каковы же археологические свидетельства данного скачка? Ни верхнепалеолитическую революцию в технологии, ни даже появление изобразительного искусства авторы книги такими свидетельствами не признают. Главными доказательствами возникновения абстрактного мышления, символизации и, соответственно, ЦИП полностью человеческого типа они считают антропоморфные образы вроде человекольва из Холенштайн-Штаделя, декоративное оружие типа детских копий из Сунгиря и «внешние носители памяти» типа пластин с метками из Ларте и Бланшара.

В итоге, вопреки тому, что декларируют Кулидж и Уинн, создается впечатление, что в развитии человеческой психики было не две революции, а всего одна — верхнепалеолитическая. Более того, совершилась она не в момент появления верхнего палеолита, а на несколько тысячелетий позже. Все предшествующее было лишь более или менее постепенной подготовкой к решающему скачку. Данное событие произошло, согласно логике книги, очень поздно, причем не в Африке, но и не в Евразии в целом, а исключительно в Европе. О когнитивных (и языковых) способностях обитателей иных континентов авторы умалчивают, видимо, из соображений политкорректности.

Приходится заключить, что в рассуждениях Кулиджа и Уинна имеется некий серьезный изъян, ведь европоцентристская концепция эволюции психики

неприемлема не только с моральной точки зрения, но и по существу. В самом деле, революций, подобных верхнепалеолитической, в истории человечества было немало — это и переход к производящему хозяйству, и культурный переворот VIII–V вв. до н. э. в Древней Греции, и Ренессанс, и промышленная революция, и освоение атомной энергии, и появление компьютеров... У каждой из этих революций был свой очаг, из которого культурные достижения распространялись по эйкумене, и каждый этап знаменовался своего рода когнитивным взлетом. Учитывая, что после каждой такой революции рост культуры резко ускорялся, каждую из них в принципе можно было бы объявить «решающим скачком» в антропогенезе, если бы мы не знали, что подобные скачки не имеют к антропогенезу ни малейшего отношения.

Культурный рост (во всяком случае, рост объема знаний) происходит, как известно, по экспоненциальному закону: чем ближе к современности, тем быстрее. Сосредоточивая внимание на поздних этапах развития психики, мы иногда склонны придавать переломным моментам в развитии культуры биологическое или, во всяком случае, эволюционно-психологическое значение. Например, О. М. Фрейденберг описывала мышление греков VI и V вв. до н. э. так, как если бы это были две качественно разные ступени в развитии психики *Homo sapiens*.

Развитие же культуры на ранних стадиях — очень медленное; кривая роста идет почти горизонтально, но разве это не та же самая кривая? По логике авторов рецензируемой книги, следовало бы приписать культурный застой в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах когнитивной отсталости их членов (чего доброго, и принадлежности их к иному биологическому виду). На самом же деле, как мы прекрасно знаем, причиной культурного застоя служат исторические обстоятельства, а не умственные качества. Не достигнув (из-за чисто исторических и, в общем-то, случайных обстоятельств) определенного исходного уровня, культура, в силу того же закона экспоненциального развития, вынуждена пребывать в состоянии стазиса. Именно этим, в первую очередь, и вызван медленный культурный прогресс в палеолите. Пытаться связать данное явление с нематериальными нейрофизиологическими конструктами вроде ЦИП — все равно что гоняться за блуждающим огоньком.

Если уж говорить о качественных сдвигах в эволюции психики, то биологическая систематика подсказывает нам простое, но мудрое решение: говорить о новом, человеческом качестве можно начиная с возникновения рода *Homo*. Об этом говорит и начало человеческой культуры, документированное обработанными каменными орудиями, и появляющиеся одновременно с ними свидетельства развития речевых зон у хабилисов. Это хронологическое совпадение едва ли случайно. Оно, видимо и является искомым свидетельством решающего прорыва наших африканских предков из природы в культуру. И уж во всяком случае недопустимо отказывать в человеческом статусе каким-либо представителям вида *Homo sapiens*, в том числе и тем, которые жили в Африке в эпоху среднего каменного века. Они были бы людьми, даже если бы не носили бус и не пользовались охрой. Антропогенез закончился задолго до того, как кривая культурного роста устремилась вверх. Попытки синхронизировать оба процесса обречены на неудачу. Рассматривая культурные революции в надлежащем ракурсе, как вехи в развитии человечества, а не как этапы превращения обезьяны в человека, мы застрахуем себя от риска предоставить расистам почву для спекуляций.